

Casey Blair

A coup
of tea

tea princess
chronicles

Кейси Блэр

Чайный Бунт

хроники тайной
принцессы

*Перевела с английского
Юлия Четверикова*

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
Б70

A COUP OF TEA
Tea Princess Chronicles: Book I
by Casey Blair

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Блэр, Кейси.

Б70 Чайный бунт : [роман] / Кейси Блэр ; пер. с англ. Ю. Четверикова. — Москва : Porcorn Books ; Эксмо, 2025. — 448 с. — (Хроники чайной принцессы).

ISBN 978-5-04-207300-7

В Исталаме, где традиции и долг определяют судьбы, принцесса Мияра должна принять решение, которое изменит ее жизнь навсегда. Отказавшись следовать по стопам своих выдающихся сестер, она выбирает путь одиночества — и убегает из дворца.

Мияра находит пристанище в небольшой чайной в городке Сайерсен. Начав новую жизнь, она решает стать чайным мастером. Однако Сайерсен не так прост, как кажется на первый взгляд. Необъяснимая магическая активность и артефакт с волшебными свойствами привлекают внимание не только местной знати, но и тех, кто стремится использовать их в своих темных замыслах.

Мияра понимает, что не может остаться в стороне. Вместе с новыми друзьями она должна найти способ противостоять силам, которые угрожают жителям города. Даже если прошлое догонит ее, она не отступит, чтобы защитить свой новый дом — и, возможно, впервые обрести настоящую свободу.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

Text copyright © 2021 Casey Blair
Cover illustration copyright © Christin Engelberth, 2025
© Юлия Четверикова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-207300-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2025, Porcorn Books®

Всем, кто верил в эту книгу

*Отдельная благодарность Джанго Векслеру,
Рафу Моргану и Эй Ти Гринблэт,
которые убедили меня в том, что мои желания
не выходят за рамки возможного*

Глава 1

Я иду одна по коридору, полному незнакомцев. Не ожидала, что церемония восхождения к Великому святилищу будет настолько абсурдной. Сопровождать меня никому нельзя, а сотне людей наблюдать за мной можно. Нельзя идти слишком быстро. Это бы значило, что я не ценю их присутствие, пренебрегаю им. Если буду медлить, решат, что я не уважаю их время и злоупотребляю той честью, которую они оказывают мне своим визитом.

Четвертая из пяти дочерей, я не привыкла быть в центре внимания, но иду без колебаний. Потому что знаю, как должна выглядеть со стороны. И все же я не додумалась отрепетировать проход босиком по ледяному каменному полу заранее. Интересно, отмораживал ли кто-нибудь ступни во время церемонии посвящения.

С одной стороны, хочется дойти поскорее. После свершения всех ритуалов мне надо будет медитировать в одиночестве, тогда я смогу подоткнуть под себя ноги и согреть

их. С другой — церемония хоть и неприятная, но посильная. А вот предстоящий мне выбор — не очень.

Старшим сестрам было легко. Они взяли на себя совершенно определенные обязательства перед народом, и каждая невероятно хорошо им соответствует. Все думают, что я пойду по стопам сестер, и требования ко мне невысокие: следовать их примеру, не отсвечивать, сливаться с фоном.

Но каждый раз, когда я представляю такое будущее, оно давит на меня все больше, а я сама кажусь себе все меньше. Будто только я понимаю, насколько отличаюсь от других, будто только мне страшно, что неподходящая служба сломает меня, только я думаю, что это повредит и мне, и народу, которому я якобы должна служить.

Интересно, неужели никто из королевской династии Исталама не подходил к Великому святилищу с таким количеством сомнений? Сложно поверить, но ни один представитель королевской семьи с самого основателя не вышел с церемонии посвящения без четкого предназначения.

По ощущениям, проходит целая вечность, когда я достигаю конца коридора. Здесь я хотя бы вижу знакомые лица. Но менее одиноко от этого не становится.

Сперва я кланяюсь своей единственной младшей сестре, Карисе. Между нами всего пара лет разницы, но уже понятно, что она будет самой низенькой из нас пятерых. Иностранное происхождение отца проявилось в каждой из нас, кроме старшей сестры, в Карисе — маленьким ростом.

Она кланяется в ответ и язвительно шепчет:

— У тебя пальцы синие.

Конечно же, теперь я замечаю, как сильно замерзли руки из-за серебряных браслетов, которые я никогда не снимаю.

С ее стороны это очевидная колкость, попытка насолить мне. Мне, не имеющей над ней никакой власти, да еще и в чуть ли не самый важный момент моей жизни. Впервые с начала церемонии я жалею, что мне запрещено говорить, если того не требует ритуал. Карисе на самом деле тоже, хотя неудивительно, что ее это не волнует.

Пропустив хамство мимо ушей, я поворачиваюсь к самой старшей сестре, Ирьясе. Я не каждый день сталкиваюсь со скверным характером младшей, но легко могу догадаться, что ее так злит. И хотя платье на Карисе изящнее обычного, Ирьяса ее затмевает — даже одетая в простую белую облегающую тунику в пол и широкие штаны, как и у меня. Ирьяса — образец истальской красоты: тонкие руки, стройные ноги, кожа идеально смуглого оттенка, блестящие темные волосы. Не будь она так занята обязанностями коронованной принцессы, каждый художник в городе написал бы ее портрет. У Ирьясы слишком высокое положение, чтобы быть безопасной мишенью для гнева младшей сестры. В отличие от меня.

У нас с Ирьясой большая разница в возрасте, поэтому мы почти не проводили время вместе. Когда я училась говорить, она уже постигала тонкости государственной службы. Мы не так близки, но я понимаю, что она надела скромную тунику в знак солидарности со мной, так что я кланяюсь ей чуть ниже, чем требуется.

Затем поворачиваюсь к женщине, стоящей перед массивными деревянными дверями Великого святилища, — моей матери, королеве Ильмари Исталамской.

На этой церемонии она, возможно, самый чужой мне человек.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, как и на моем. Никаких признаков взаимопонимания. Я кланяюсь ей, и сере-

бряные браслеты на моих руках вдруг тяжелеют. Открываю рот, и грудь сдавливает, словно тело отказывается впускать воздух в легкие, не позволяет мне произнести положенные слова. Но я себя перебарываю:

— Ваше величество, я пришла посвятить себя службе Исталаму или быть изгнанной и встать на путь одиночества.

Пусть эти слова и формальность, сердце у меня забилось чаще. Я плохо знаю мать, но мне известно, что ее поразительный политический склад ума помог Исталаму выстоять в тяжелые времена. Каждое ее слово выбрано с точностью и вниманием. Она говорит мне:

— Ступай с честью, принцесса Мияра.

Двери открываются. Я захожу.

Великое святилище прибрали к моей церемонии посвящения. Я никогда не видела его таким пустынным, и от непривычки у меня кружится голова. В куполообразном помещении нет никого, кроме жрицы и трех советников, которых я выбрала сама.

В отличие от большинства святилищ, Великое святилище в Митеранском королевском дворце хранит не один, а три элемента: землю, воду и воздух. Сперва я иду к ложе земли, увязая ступнями в почве. Уже от одного этого становится теплее, пока я не поднимаю взгляд на моего отца, консорта Кордана.

Его я знаю не больше, чем свою мать, но так и было задумано. Согласно брачному договору между представителями династий Исталама и Веласара, отец должен был быть по-

священ в жизнь детей наравне с матерью. Веласар надеялся получить в результате этого брака преданных его целям наследников.

Однако до рождения Карисы наша мама отказывалась проводить с нами время. И отцу пришлось поступить так же.

Он коренастый, с ясными голубыми глазами и кудрями. Такие же кудри унаследовала я, только в виде умеренных и густых волн. Понятия не имею, что еще мне досталось от отца.

Он тоже. Наконец он говорит:

— Не знаю, зачем ты выбрала меня на эту роль.

И замолкает.

Я дала ему шанс пообщаться со мной наедине до того, как нас окружают остальные, а ему и сказать нечего.

Я тоже не знаю, что сказала бы ему в ответ, но мне все равно нужно хранить молчание. Пауза тянется, отец наконец бормочет:

— Следуй своему долгу. Это все, что мы можем делать. Такой урок земли я предлагаю тебе.

Ему лучше знать, ведь он годами следует своему неблагодарному долгу. Но я бы никому такого не желала, особенно себе.

Мой королевский долг — служение. Духовный — тоже, ведь служение людям угодно духам.

Я просто не понимаю, что мне делать. Должна ли я поддерживать нацию Исталама? Или свою семью? Или простой истальский народ? Если пример отца меня чему-то и научил, так тому, что три этих понятия пересекаются не слишком сильно — что бы там ни говорили мои наставники.

Но я кланяюсь отцу и перехожу к водоему, возле которого стоит моя сестра Саяна. Саяна ближе всех ко мне по возра-

сту, она старше всего на три года и провела со мной больше времени, чем остальные сестры.

— Твоя мягкотелость тебя погубит, — говорит она без обиняков. — Едва тебе выпал шанс заявить о себе и своем общественном долге, ты все спускаешь на жалость. К тому же столь очевидную. Тебе ведь откровенно жаль, что отец не участвовал в церемониях других дочерей, и выбором остальных советников ты дала ему возможность это сделать, не угрожая авторитету королевы. Не думай, что я не понимаю, к чему ты ведешь.

Пожалуй, Саяна знает меня лучше всех, но мы настолько несхожи характером, что в нас трудно признать родственников.

Взгляд ее голубых глаз тверд как камень.

— Мияра, перестань тратить время на ерунду и займись чем-нибудь полезным. Работы здесь непочатый край; ты на многое будешь способна, если поставишь себе цель. Вот мой совет, сестра. Стремись вперед, как вода.

Удивительно слышать от Саяны такие приятные слова. Она скупа на комплименты, и ее уверенность в моих силах дорогого стоит. Я не знаю никого с таким же врожденным умом и проницательностью. То, что она думает, будто я могу последовать ее примеру, лишь глубже ранит меня и заставляет чувствовать вину из-за сомнений.

Но от меня не ускользает истинный смысл сказанного: прекрати думать о других. Просто делай свою работу.

В конце концов, почти не отличается от совета отца. Но меня не перестает мучить вопрос: если во имя долга мне надо отказаться от тех своих черт, благодаря которым я — это я, то кто же тогда отдаст себя служению?

Я покидаю Саяну ради последней ложки — воздуха.

Саяна оказалась права насчет моего выбора советников. Чтобы компенсировать участие отца в церемонии, вторым советником я назначила самую близкую мне сестру, а третьим — бабушку, бывшую королеву Эсмери, которой уже за семьдесят. Она сидит за метровой напольной свечой. В свое время она была столь неистовой правительницей, что беспрепятственно разделялась с любыми противниками своей власти.

А еще она была настолько противоречивой, что ее дочь вместе с престолом унаследовала ворох проблем, которые той пришлось разгрести.

Я протягиваю руки над свечой и смотрю на бабушку сквозь пламя, согревающее ладони.

— Перед тобой стоит неоднозначный выбор, — произносит она.

Пальцы замирают. Впервые кто-то предположил, что я могу и не пойти по управленческой стезе вслед за Саяной, принимая бессмысленные административные решения.

— Ирьяса станет королевой. Реята посвятила себя воинской службе и командованию армией Исталама. Саяна занялась магией, чтобы подготовиться к роли распорядительницы. Что такого можешь сделать *ты*, чего еще не охватывает их служение?

На моем лице отразилось удивление — и я понимаю это, когда бабушка смеется.

— Тогда будем считать, что твой урок воздуха таков, — говорит она, пристально глядя на меня поверх очков. — Для тех, кто умеет слушать, работа всегда найдется.

Что она имеет в виду?

Бабушка подмигивает мне:

— Осторожнее с огнем, милая.

Я отдергиваю руки — если держать их над пламенем слишком долго, серебряные браслеты обожгут кожу.

Но если убрать руки, это будет значить, что время советов подошло к концу. Я хочу закричать на нее, но обязана молчать до клятвы посвящения. Отец, сестра и бабушка выходят из усыпальницы. Жрица запирает нас.

— Готовьтесь столько, сколько потребуется, ваше высочество, — говорит она, отходя к стене купола напротив дверей, через которые я вошла. — У вас впереди вся жизнь, но надо успеть до рассвета.

Будто этого времени достаточно, чтобы решить мою дальнейшую судьбу. Будто сегодня передо мной возникнет ответ, который я искала все эти годы.

Я опускаюсь на холодный каменный пол и наконец подтыкаю под себя ноги. Минуту спустя я понимаю, что, даже если сяду не по правилам, жрица никому не расскажет, так что я вытаскиваю ступни и грею их своими браслетами.

Возможно, мне стоило выбрать других советников, если я хотела услышать что-то дельное. Этих я, конечно, выбрала по многим причинам, но все они касались политики. Быть принцессой — значит жить политикой. И все мое окружение связано только с политикой.

И что бы я ни выбрала, так будет всегда.

Мне все равно придется следовать долгу, продвигаться в назначенном мне темпе. И состраданию тут не место. Любое его проявление будет расценено как признак слабости, как растрата ресурсов. Я по-прежнему буду четвертой принцессой, совершенно лишней после трех выдающихся сестер.

«Для тех, кто умеет слушать, работа всегда найдется», — сказала бабушка. Что слушать? Кого? Как? Как я собираюсь

служить людям, если даже на эти вопросы не могу ответить?

Я хлопаю глазами. И словно оглушенная смотрю на свои королевские браслеты. Я не могу.

Я не могу служить людям, если не понимаю, чего они от меня ждут. Я не знаю, что могу им дать. И может быть... вот он, ответ.

Сердце оглушительно стучит. Я не похожа на своих упрямых сестер. Я делаю только то, что должна. Не выхожу за рамки и тихо сливаюсь с фоном. Я не приношу проблем. Возможно, в этом-то и проблема.

Я посидела еще немного, гадая, не сошла ли с ума, не вышибла ли остатки моего разума необходимость выбора. Но сейчас я чувствую, что поступаю правильно. Как никогда прежде. И если я хочу воплотить задуманное, мне понадобится все время, которое есть в моем распоряжении.

Дрожа, я встаю.

— Жрица, — зову я осторожно.

— Вы готовы посвятить жизнь служению, ваше высочество? — спрашивает она.

Я сглатываю.

— Ничего в жизни я не желаю так, как служить своему народу, жрица, — произношу я. — Только я не знаю как.

Она удивленно поднимает брови. По идее, я должна озвучить только то, чему готова посвятить всю оставшуюся жизнь.

— Боюсь, что не поним... — У нее перехватывает дыхание, глаза округляются.

Я снимаю браслеты и протягиваю ей. Странно теперь держать их — до этого момента я не осознавала, насколько они тяжелые.